

Рыйгас Е.В.

Синагогальный ритуал: реконструкция смысла

Е.В. Рыйгас

Санкт-Петербургский журнал социологических и маркетинговых исследований «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев». 2004, №6. С.45-47

Для здания петербургской синагоги (Лермонтовский пр., 2) характерна эстетическая выразительность, что не присуще синагогам вообще. Израильские синагоги опознаются разве что по вывеске, наподобие табачных или хлебных лавок. В контексте же христианского архитектурного доминирования петербургская синагога вписана в ландшафт и стилизована под неопределенный восточный стиль. История создания синагоги повествует, что в нарушение запрета строительства иудейских молитвенных зданий рядом с православными храмами, синагога была построена для удовлетворения религиозных потребностей евреев-коммерсантов, живших на Английской набережной. Поскольку передвижение в субботу может осуществляться только пешеходным образом, синагога была максимально приближена к месту проживания евреев. Т. о., существование синагоги символизирует преодоление иудаизмом своей эстетической невыразительности, а также антисемитски настроенной политики царского режима.

В недавнее время, в связи с увеличением эмигрировавших евреев и введением понятия еврейской этничности в миграционно-прагматический дискурс, наблюдается ослабление критериев определения еврейства. Принадлежность к еврейскому этносу по материнской линии актуальна только в религиозном сообществе, в иных случаях еврейство может определяться и по отцу. Миграционная политика, инициируемая сионистской идеологией, вызывает к жизни явление явного и неявного еврейства. В последнем случае происходит намеренный отказ от любого способа идентификации с еврейским сообществом. Иудаизм не препятствует социализации евреев в рамках других культур, обусловленных также другой религиозной идеологией, поэтому евреи, рассматривающие себя полноправными участниками социальной, культурной и духовной деятельности общества, чаще всего позиционируют свое еврейство в анекдотическо-ироническом дискурсе, самоуничижительно стилизованном церковнославянизмами. Сионистская идеология, призывая к репатриации, понимается многими, как императив отказа от ценностей и языка воспитавшей культуры. Дело доходит до сектантского отказа от любых проявлений своих культурных и общественных навыков, приобретенных в советском и постсоветском социуме. Вместе с тем, репатрианты-«отказники» 70-х гг.,

сохранившие безупречный русский язык с мхатовским произношением, являются элитой современного израильского общества.

Говорить о бытовании формы скрытой религиозности нельзя, ибо религиозные практики предусматривают наличие социального минимума — семьи, в более широком смысле — общины. Значительная обрядовая самостоятельность, мотивированная отсутствием института иерархии, может быть реализована в пределах первичного религиозного сообщества, действующего на конвенциональной основе, т. е. в *миньянах* — минимальных молитвенных кворумах.

Иудаизму мало свойственно также явление вынужденной религиозности. Предельно трансцендированному Богу не приписывается прагматическая инструментальность. Неизображаемый Бог не поддается эмоциональному осмыслению, поэтому мотивы обращения к Богу больше интеллектуального характера, нежели психологического.

Следует иметь в виду, что среди российских евреев есть носители русской секулярной культуры, православной и идишской традиций. Вести учет евреев по религиозному признаку или добровольной идентификации неплототворно, поскольку прихожанами синагог является ограниченное количество верующих вследствие затрудненности передвижения в субботу, когда нельзя пользоваться транспортом, и по причине описанной выше ситуативности в определении этничности. Зачастую человек может и не догадываться о своем еврейском происхождении, что характерно для недавних времен с установкой на сокрытие национальности, препятствующей социализации в рамках титульного большинства с укорененной традицией бытового антисемитизма.

Секуляризация российских евреев и эмиграция 90-х гг. привели к сокращению прихожан синагог. Значителен также фактор ситуативности молитвенного ритуала с ситуативной иерархией (ведущим молитвы в миньяне назначается человек в соответствии с его статусом или возрастом). Молитва может происходить в любом месте, а, принимая во внимание ее двух-, трехразовую периодичность, — в любой ситуации, что описано еще в Евангелии, как осуждаемый Христом обычай долго молиться и увеличивать воскрилия одежд [1], и что может наблюдаться в современном Израиле: люди молятся на автобусных остановках, в магазинах, университетских коридорах и на улицах.

В Петербурге существует несколько синагог, из которых наиболее интересна Большая хоральная синагога. В ней собирается хасидская община и грузинский миньян. Отличие еврейских общин состоит в интенсивности религиозных практик или этническом кванторе, маркирующем сообщество. Миньян может организовываться представителями разных религиозных течений без ущерба целостности своим взглядам. Для малочисленного еврейского сообщества Петербурга характерным является такое явление, как роспуск миньяна на летний период и закрытие синагоги, отчего прихожанам приходится пользоваться другой синагогой.

Подобная общинная нелокализованность объясняется тем, что для совершения молитвенного ритуала не требуется специально оформленного геометрического пространства. Необходимым для молитвы является наличие людей, стены мыслятся чем-то вторичным по отношению к собравшимся. Функционально синагога предназначена для собраний, на что и указывает перевод греческого слова *synagoge* (собирать вместе). Общим для синагоги и христианского храма является внутреннее пространство, замыкающееся на востоке. Доминанту сакрального пространства символизирует *арон кодеш* — шкаф для хранения свитка Торы. При этом Тора в иудаизме является единственным сакральным артефактом. Парадоксальное определение святости в иудаизме подразумевает нечистоту сакрального предмета. Поэтому к Торе нельзя прикасаться, дабы не быть оскверненным. В отличие от христианского храма бытие Бога в синагоге никак не локализуется. Оно актуализируется в моменты богослужения при чтении Торы. Сакральная реальность не дублируется в своей множественности.

Синагогальный ритуал имеет нефрагментированную доминанту внимания. Поясним это путем сравнения христианской литургии и субботней службы, как форм коллективного выражения религиозности. Степень участия в службе характеризуется интенсивностью приложения физических, эмоциональных и интеллектуальных усилий. В иудаизме установка делается на интеллектуальное постижение священного текста. Участие в ритуале подразумевает не пассивное выслушивание читаемого текста, а непосредственное его чтение. Для этих целей используются молитвословы, текст которых может незначительно различаться в разных общинах. Как было сказано, в синагоге могут молиться представители разных течений, поэтому функции ведущего службу — *кантора* — сводятся к тому, чтобы согласовывать службу по разным молитвословам. Он вслух повторяет тексты молитв и следит за тем, чтобы участники вовремя приступали к чтению общезначимых молитвенных текстов, таких, например, как *»Шма«* или *»Амида«*. Христианизированный взгляд стремится обнаружить в синагоге во время службы признаки хоть какой-нибудь иерархии. Ошибочно за главное действующее лицо принимается кантор. Как показывалось выше — его функции утилитарны. В каждой общине существует *раввин* — административная глава, функции которого еще более утилитарны в отличие от эстетически гармонизирующей деятельности кантора. Раввин должен удостоверить правильность произведенного убоя скота, гарантирующее полное отсутствие в мясе крови. Раввин консультирует прихожан по вопросам согласования учения Талмуда с изменившейся действительностью. Мнение раввина может различаться от мнения его коллег, не являясь при этом обязательным к исполнению. Этим и характеризуется плюралистичность иудаизма.

И кантор, и раввин, участвуя в богослужении, не замещают собой сакральную реальность и не сосредотачивают на себе молитвенного внимания. Все богослужение строится на тексте, индивидуализированном в каждом его вычитывании. Внимание не перемещается с текста на участников службы или на необходимость коллективных жестов.

Поведение и ритуальные жесты во время службы не регламентированы. Каждый сам определяет степень произвольности проявления религиозного усердия. При отсутствии сакрального центра (если не считать таковым арон кодеш) молящиеся ориентированы только лишь в направлении молитвы — в сторону Иерусалима (в самом Иерусалиме молитвенным ориентиром служит Стена Плача). Участие в ритуале не предполагает кодифицированных норм поведения и интенсивности молитвы. Каждый может перемещаться в пространстве в любом направлении [2], принимать разнообразные позы, стоять, прислонившись к стене или *биме* — специальному возвышению в центре синагоги, предназначенному для чтения Торы. На степень проявления религиозности никто не обращает внимания, поэтому любые действия совершаются с внутренней демонстративностью. Также не придается особого внимания поведению окружающих. Во время службы люди могут ходить по синагоге, здороваться и переговариваться с окружающими, на задних рядах размещаются те, кого необходимость может заставить выйти, чтобы поговорить по мобильному телефону (что по субботам делать запрещено, поскольку пользование любой техникой рассматривается как работа). Последние ряды и второй этаж предназначены для тех, кто пришел посмотреть службу. Почти всегда находятся посетители, которых забавляет все происходящее, и которые несколько не стесняются в выражении своих критических замечаний. По отношению к ним действует принцип невмешательства. Им не делается порицаний, поскольку язвительность и насмешки над окружающими могут быть лишь формой проявления своей религиозности и молитвенного настроения.

Синагога обязательно имеет разделение на женскую и мужскую половину. Женщины, располагающиеся на хорах, отделены от строгости ритуала и необходимости его исполнения возвышением, гарантирующим полноту эстетического восприятия — и не всегда слухового. Иудаизм отводит женщине все утилитарные прагматические функции, связанные с бытом, поэтому женщина освобождена от необходимости проявления религиозной активности. Поскольку отделенность женщин сковывает их эмоциональную избыточность, служба производит впечатление эмоциональной монолитности, когда в богослужении не проявляется чье-либо психологическое доминирование.

Молящиеся сами для себя решают степень громкости произнесения молитв. Слуховое впечатление от католического храма, православной церкви и синагоги сопоставляется как соотношение между тишиной, речью и шепотом. Молитвенное настроение в синагоге выражается не коллективно, а индивидуально — в рамках приличий.

В целом, участие в службе подразумевает приложение значительных интеллектуальных усилий. Подготовка к полноценному участию в службе проводится с пяти лет. Религиозное воспитание включает в себя изучение древнееврейского и арамейского языков для самостоятельного чтения и комментирования текстов Торы и Талмуда. В 13 лет производится обряд *бар-мицвы* (для девочек *бат-мицвы*) — религиозного совершеннолетия.

То, что в христианской литургии может быть определено как фиксированная доминанта внимания, в иудаизме не находит аналогов. Доминанта внимания удерживает эмоциональное настроение путем взаимодействия субдоминант между собой. Предельно эстетизированный христианский ритуал насыщенным визуальным воздействием подавляет смысловое восприятие, которое сводится к второстепенному дополнению пения, одежд и утвари. Иерархи, участвующие в службе, различаются по степени доминирования, из которых низшие чины превалируют в своем видимом присутствии. Самый высший иерарх наиболее ограничен в своем проявлении. По ходу службы внимание переходит с произносимого текста на пение, с дьякона на священников, с жестов на сакральные предметы, которые своим множеством дублируют сакральную реальность. При каждении храма меняется ориентация молящихся, когда внимание переходит по кругу вслед за каждением. В службе бывают моменты ожидания, когда одно смысловое действие закончилось, другое же еще не началось. В общем смысле, молитвенная доминанта находится во внешней среде, поэтому так важно ее эстетическое оформление. Придается большое значение строгой согласованности действий и жестов как священников, так и прихожан. Любой молящийся подвергает себя самоконтролю: каким образом может быть воспринят его жест или поведение. О присутствии посторонних, да еще с подробным ироничным комментарием происходящего, не может быть и речи. Красочность ритуала всегда привлекает множество зрителей, статус которых по возможности умаляется. Резюмируя, можно сказать, что христианская литургия имеет фрагментированную доминанту внимания с интенцией вовне, начиная с храмовой архитектуры, функционально подразумевающей безмолвную проповедь (отсюда — разная высота православных, католических, мусульманских и иудейских культовых зданий), и заканчивая организованными формами проявления коллективного благочестия в виде крестных ходов.

Иудаизм характеризуется внутренней доминантой внимания, когда формы проявления религиозности вторичны по отношению к самой религиозности. Отсюда — предельный плюрализм в позиционировании еврейской этничности или иудейского вероисповедания. Прихожане синагоги не подвержены действию контролирующих институтов, известных в христианстве как исповедь. Иудаизм не различает тонкости понятий, таких как «покаяние» и «раскаяние». Исповедь производится раз в год, на *Йом-Кипур*, в самостоятельном режиме. Это, однако, не означает, что в иудаизме отсутствует понятие «свидетеля». «Свидетель» не означает «посредник». Христианская исповедь по большей части являет собой эмоциональный контроль над одной из составляющих трихотомии человеческого естества. Различные формы исповеди предлагаются для решения психологических проблем или согласования евангельского учения с бытовой действительностью. В иудаизме форма вопросов-ответов, рекомендаций и поучений происходит в открытом порядке. Возникшая проблема вводится в дискурс и приобретает прецедентный статус. Различные взгляды на те или иные вопросы, связанные с реализацией талмудического наследия, различают одну общину от другой. Иудаизм не знает однозначно высказанной авторитетной истины, должной быть принятой всеми.

Предложенные способы кодификации духовной или бытовой реальности легитимируются только ученостью и признанностью богослова. Видимая авторитетность при различных ссылках на талмудических рабби и мудрецов снимается многочисленностью мнений и обязательной их противопоставленностью. Любой человек вправе высказать свое обоснованное мнение и продолжить традицию непрерывного богословского творчества, чем так характеризуется иудаизм.

Отсутствие в иудаизме аскетических практик объясняется тем, что иудаизм, в отличие от христианства, включает повседневность в сакральное пространство. К бытовой повседневности предъявляется только одно требование — чистота [3]. Талмуд представляет собой энциклопедию предельно кодифицированной повседневности. Именно поэтому смысл субботы заключается прежде всего в освобождении от любого вида работ, так называемых *тридцати девяти авот* (к которым относятся действия, производимые при строительстве храма Соломона: в субботу нельзя резать, пилить, шить, писать, зажигать свет, двигатель и т. д., нажимать на кнопки и тем самым производить работу). Суббота отделена от недельной последовательности полной выключенностью из повседневности. Тридцать девять авот влекут за собой перечень производных действий. Нельзя переносить большие объемы чего-либо материального, пользоваться деньгами, производить торговые операции, вести переговоры, создавать что-либо новое. Нарушение запрета мыслится только в случае угрозы человеческой жизни, поэтому военные и врачи освобождаются от заповеди требованиями профессии.

Возвращаясь непосредственно к зданию синагоги, необходимо упомянуть о его полифункциональности. В небогослужебное время пространство синагоги используется для катехизаторских и иных учебных целей без умаления сакрального статуса. Синагога осуществляет различные учебные программы, ориентированные на разный уровень религиозности, с гендерным и возрастным разделением. В качестве форм новой коллективной идентичности предлагаются досуговые мероприятия. Синагога распространяет миграционно значимую информацию, дополняя в этом другие еврейские организации: *Сохнут* и Израильский культурный центр.

В последнее время активизирована просветительская деятельность. Организуются лекции, раскрывающие основные смысловые понятия иудаизма. Тематика и доступность изложения лекций ориентированы по большей части на неевреев и неиудеев. В последнее время лекции в синагоге становятся заметным явлением в связи с попыткой академической репрезентации материала. Это не согласуется с апофатическим присутствием в дискурсе еврейской тематики, что позволяет контролировать поток информации об иудаизме и еврейском сообществе. Взаимодействие с общественным мнением происходит по факту отрицания догм обыденного сознания: «евреи не добавляют в мацу кровь христианских младенцев», «евреи не закладывают при строительстве синагоги в ее основание Евангелие» и т. п.

Ориентированная преимущественно на евреев синагога проводит формы внутренней социализации. Нужды малочисленного сообщества в достаточной степени учитываются и восполняются. Существующее в иудаизме понятие милостыни подразумевает ее обмен на символический эквивалент. Например, благотворительная столовая при синагоге продает обеды за чисто условную сумму — 1 рубль. Запрет на использование денег в субботу устраняет проблему эмоционального терроризма — выпрашивания милостыни при входе. Синагога производит хозяйственную деятельность, обеспечивая всех интересующихся кошерными продуктами, ритуальными предметами и литературой. Прихожане вовлекаются в материальное взаимодействие для реализации своих бытовых интересов, например, гастрономических. Участие в ритуально-хозяйственной деятельности, предусматривающей приобретение ритуально необходимых предметов, сведено только к покупке большого и малого *талитов*, кипы и то, лишь для мужчин. Кипа — это единственный предмет, навязываемый посетителям при входе, независимо от их вероисповедания или цели посещения. Какой-либо регламентации женского одеяния нет.

Обеспечением хозяйственного функционирования синагоги вынужденно занимаются неевреи, поскольку на них не распространяется заповедь субботнего покоя. Поэтому посетители, попадающие внутрь синагоги, не подвергаются катехизаторскому гнету со стороны служащих.

В целом, посещение синагоги мотивируется ситуативностью исповедания своей этнической или религиозной идентичности. Каждый сам решает, сколько раз в году ему быть евреем или иудеем. Такого понятия, как практикующий иудей, не существует. Так или иначе, иудеем становится каждый, подвергшийся обряду обрезания и не отрекшийся от веры отцов.

Предельно ослабленная коммуникативная природа Бога способствует универсализации принципов проявления религиозности. Процесс намеренной секуляризации демонстрирует лишь степень освобождения религиозного сознания от избыточной религиозной императивности. Синагогальный ритуал мыслится вторичным по отношению к индивидуализированным формам отношений между Богом и человеком. Человек своей молитвой легитимирует бытие Бога.

Примечания

[1] Cf. Мк. 12.40: «сии... напоказ долго молящиеся, примут тягчайшее осуждение»; Лк. 20.46-47: «любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежания на пиршествах, которые... и лицемерно долго молятся; они примут тем большее осуждение».

[Назад](#)

[2] Всякое перемещение по плоскости, не продиктованное физической необходимостью, есть пространственная форма самоутверждения...

(И. Бродский, Путешествие в Стамбул // Город и мир. Л. 1991, с. 15)

[Назад](#)

[3] [Рыйгас Е.В. Душа по природе — иудейка](#) // Первые Торчиновские чтения. Материалы научной конференции, 20-21 февраля, 2004 г. СПб., 2004. С. 101